

Киреевский Иван Васильевич

**О характере просвещения
Европы и о его отношении к
просвещению России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Васильевич К.**
О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / Киреевский
Иван Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 70 с.

ISBN 978-5-519-89075-5

ISBN 978-5-519-89075-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ послѣднее свиданіе наше мы много бесѣдовали съ Вами о характерѣ просвѣщенія европейскаго, и объ его отличіяхъ отъ характера того просвѣщенія Россіи, которое принадлежало ей въ древнія времена, и котораго слѣды до сихъ поръ еще, не только замѣчаются въ нравахъ, обычаяхъ и образѣ мыслей простаго народа, но проникають, такъ сказать, всю душу, весь складъ ума, весь, если можно такъ выразиться, внутренний составъ Русскаго человѣка, переработаннаго еще западнымъ воспитаніемъ. — Вы требовали отъ меня, чтобы я изложилъ мои мысли объ этомъ предметѣ на бумагѣ. — Но тогда я не могъ исполнить вашего желанія. — Теперь же, когда я долженъ писать о томъ же предметѣ статью для Московскаго Сборника, я прошу позволенія дать этой статьѣ форму письма къ Вамъ: мысль, что я разговариваю съ Вами, согрѣетъ и оживитъ мои кабинетныя размышленія.

Конечно мало вопросовъ, которые въ настоящее время были бы важнѣе этаго вопроса объ отношеніи Русскаго просвѣщенія къ Западному. — Отъ того, какъ онъ разрѣшается въ умахъ нашихъ, зависитъ не толь-

ко господствующее направлѣніе нашей литературы, но можетъ быть и направлѣніе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній. Однакоже еще не очень давно то время, когда этотъ вопросъ былъ почти невозможенъ, или, что все равно, разрѣшался такъ легко, что не стоило труда его предлагать. — Общее мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только въ степени, а не въ характерѣ, и еще менѣе въ духѣ или основныхъ началахъ образованности. — У насъ, (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается съ той минуты, какъ мы начали подражать Европѣ, безконечно опередившей насъ въ умственномъ развитіи. Тамъ науки процвѣтали, когда у насъ ихъ еще не было; тамъ онѣ созрѣли, когда у насъ только начинаютъ распускаться. — Отъ того тамъ учителя, мы ученики; — впрочемъ, — прибавляли обыкновенно съ самодовольствомъ, — ученики довольно смышленные, которые такъ быстро перенимаютъ, что скоро вѣроятнѣе обгонятъ своихъ учителей.

« Кто бы могъ подумать, братцы, » — говорилъ Петръ въ 1714 году, въ Ригѣ, осушая стаканъ на повоспущенномъ кораблѣ, — « кто бы могъ думать тому 30 лѣтъ, что вы, Русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ? — Историки, прибавилъ онъ, полагаютъ древнее сѣдлаище наукъ въ Греціи: оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но невѣжество (1) нашихъ предковъ помѣшало имъ проникнуть далѣе Польши, хотя

(1) Петръ употребилъ слово: Die Unart.

и Поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ Нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ, и только благодаря безконечнымъ усиліямъ своихъ правителей могли они наконецъ открыть глаза и усвоить себѣ европейское знаніе, искусства и образъ жизни. — Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ сдается, что онѣ опять когда нибудь покинутъ свое мѣстопробываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію. »

Эти слова объясняютъ увлеченіе, съ которымъ дѣйствовалъ Петръ, и во многомъ оправдываютъ его крайности. Любовь къ просвѣщенію была его страстью. Въ немъ одномъ видѣлъ онъ спасеніе для Россіи; а источникъ его видѣлъ въ одной Европѣ. — Но его убѣжденіе пережило его цѣлымъ столѣтіемъ въ образованномъ, или правильнѣе, въ переобразованномъ имъ классѣ его народа; и тому 30 лѣтъ едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность другаго просвѣщенія, кромѣ заимствованнаго отъ Западной Европы.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи Западно-Европейскомъ, и въ просвѣщеніи Европейско — Русскомъ, произошла перемѣна.

Европейское просвѣщеніе, во второй половинѣ 19-го вѣка достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. По результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. — Не потому западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Запа-

дѣ утратили свою жизненность; напротивъ : онѣ процвѣтали, по видимому, еще болѣе чѣмъ когда нибудь; не потому, чтобы та или другая форма виѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ господствующаго направленія ; напротивъ: борьба съ виѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда кажется виѣшняя жизнь не устроивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій; потому что при всемъ богатствѣ, при всеї, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всеї совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь лишена была своего существеннаго смысла : ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она немогла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Многовѣковый холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія; такъ, что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ: между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый, разрушившій его корни, анализъ, — этотъ самодвижущійся ножъ разума, — этотъ отвлеченный силлогизмъ, не признающій ничего кромѣ себя и

личнаго опыта, — этотъ самовластный разумъ, — или — какъ вѣрнѣе назвать эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія.

Впрочемъ, надобно вспомнить, что чувство недо-вольства и безнадежности не вдругъ обнаружилось въ западномъ человѣкѣ при первомъ явномъ торжествѣ его разрушительной разсудочности. Опрокинувъ свои вѣковыя убѣжденія, онъ тѣмъ болѣе надѣялся на всемогущество своего отвлеченнаго разума, чѣмъ огромнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ объемлющѣ были эти убѣжденія, имъ разрушенныя. Въ первую минуту успѣха его радость не только не была смѣшана съ сожалѣніемъ, но напротивъ, упоеніе его самонадѣянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной имъ землѣ. Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову; можетъ быть цѣлая вѣчность неудачныхъ попытокъ могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоувѣренности, еслибы тотъ же самый отвлеченный разумъ, на который онъ надѣялся, силою собственного развитія, не дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности.

Этотъ послѣдній результатъ европейской образованности, правда еще далеко не сдѣлавшійся всеобщимъ, но очевидно начинающій уже господствовать въ передовыхъ мыслителяхъ Запада, принадлежитъ повѣишей,

и вѣроятно уже окончательной эпохѣ отвлеченно философскаго мышленія. Но мнѣнія философскія не долго остаются достояніемъ ученыхъ каѳедръ. Что нынче выводъ кабинетнаго мышленія, — то завтра будетъ убѣжденіемъ массъ. Ибо для человѣка, оторваннаго отъ всѣхъ другихъ вѣрованій, кромѣ вѣры въ раціональную науку, и не признающаго другаго источника истины кромѣ выводовъ собственнаго разума, судьба философіи дѣлается судьбою всей умственной жизни. Въ ней не только сходятся всѣ науки и всѣ житейскія отношенія, и связываются въ одинъ узелъ общаго сознанія; но изъ этого узла, изъ этого общаго сознанія, снова исходятъ правительственныя нити во всѣ науки и во всѣ житейскія отношенія, даютъ имъ смыслъ и связь, и образуютъ ихъ по своему направленію. Отъ того не рѣдко видѣли мы, какъ въ какомъ нибудь уголкѣ Европы созрѣваетъ едва замѣченная мысль въ головѣ какого нибудь труженика науки, котораго и лице едва замѣтно толпѣ его окружающей, и черезъ двадцать лѣтъ, эта незамѣтная мысль этого незамѣтнаго лица управляетъ умами и волею этой же самой толпы, являясь передъ ней въ какомъ нибудь яркомъ историческомъ событіи. — Не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ какой нибудь кабинетный мыслитель изъ своего дымнаго угла могъ по своему произволу управлять исторіей: но потому, что исторія, проходя черезъ его систему, развивается до своего самосознанія. Онъ только замѣчаетъ и сводитъ въ одинъ общій итогъ совокупность господствующихъ результатовъ, и всякій произволъ въ движеніи его мысли отнимается у нея всю силу надъ дѣйствительностію: ибо только та система дѣлается господствующею, которая сама есть необходимый выводъ изъ господствовавшихъ до нея убѣжденій. Такъ въ организмѣ народовъ, ос-

новывающихъ свои убѣжденія единственно на своихъ личныхъ разумѣнїяхъ, голова философа является какъ необходимый естественный органъ, черезъ который проходитъ все кругообращеніе жизненныхъ силъ, отъ вѣшнихъ событій возвышаясь до внутренняго сознанія и отъ внутренняго сознанія снова возвращаясь въ сферу очевидной исторической дѣятельности. Посему можно сказать, что не мыслители западные убѣдились въ односторонности логическаго разума; но самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности, и уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанія; что его умозрительное сцѣпливаніе выводныхъ понятій требуетъ основаній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познанія; что высшія истины ума, его живыя зрѣнія, его существенныя убѣжденія, все лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса, и хотя не противорѣчатъ его законамъ, однакоже и не выводятся изъ нихъ, и даже не достигаются его дѣятельностію, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общою дѣятельностію другихъ силъ человѣческаго духа.

Такъ западный человѣкъ, исключительнымъ развитіемъ своего отвлеченнаго разума утративъ вѣру во все убѣжденія не изъ одного отвлеченнаго разума исходящія, въ слѣдствіе развитія этаго разума потерялъ и послѣднюю вѣру свою въ его всемогущество. Такимъ образомъ былъ онъ принужденъ, или довольствоваться состояніемъ полускотскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ расчетовъ, — (такъ сдѣлали многіе: но многіе не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жиз-

ни Европы были развиты иначе;)—или долженъ былъ опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума:—такъ сдѣлали нѣкоторые; но другіе не могли потому, что убѣжденія эти, какъ они образовались въ историческомъ развитіи Западной Европы, были уже проникнуты разлагающимъ дѣйствіемъ отвлеченнаго разума, и потому изъ первобытной сферы своей, изъ самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы, и отъ того являлись сознанію человѣка Западнаго какъ односторонность разума, вмѣсто того, чтобы быть его высшимъ, живительнымъ началомъ.

Чтоже оставалось дѣлать для мыслящей Европы?—Возвратиться еще далѣе назадъ, къ той первоначальной чистотѣ этихъ основныхъ убѣжденій, въ какой они находились прежде вліянія на нихъ Западно-Европейской разсудочности?—Возвратиться къ этимъ началамъ какъ они были прежде самаго начала западнаго развитія? — Это было бы дѣломъ почти невозможнымъ для умовъ, окруженныхъ и проникнутыхъ всѣми обольщеніями и предразсудками западной образованности. — Вотъ, можетъ быть, почему большая часть мыслителей европейскихъ, не въ силахъ будучи вынести, ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными соображеніями; ни жизни односторонне умственной, прямо противурѣчащей полнотѣ ихъ умственнаго сознанія; — чтобы не оставаться со всѣмъ безъ убѣжденій, и не предаться убѣжденіямъ завѣдомо неистиннымъ, — обратились къ тому избѣгу, что каждый началъ въ своей головѣ изобрѣтать для всего міра новыя общія начала жизни и истины, отыскивая ихъ въ личной игрѣ своихъ мечтательныхъ соображеній, мѣшая новое съ старымъ, невозможное съ возможнымъ; от—

даваясь безусловно самымъ неограниченнымъ надеждамъ, и каждый противорѣча другому, и каждый требуя общаго признанія другихъ. — Всѣ сдѣлались Колумбами, всѣ пустились открывать новыя Америки внутри своего ума, — отыскивать другое полушаріе земли по безграничному морю невозможныхъ надеждъ, личныхъ предположеній и строго силлогистическихъ выводовъ.

Такое состояніе умовъ въ Европѣ имѣло на Россію дѣйствіе противное тому, какое оно въ послѣдствіи произвело на Западъ. Только немногіе, можетъ быть, и то развѣ на минуту, могли увлечься наружнымъ блескомъ этихъ безразсудныхъ системъ, обмануться искусственнымъ благообразіемъ ихъ гнилой красоты; но большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями западной мысли, убѣдившись въ неудовлетворительности европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія, и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо европейскаго вліянія.

Тогда начались живыя историческія розысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего Правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавнаго въ свѣтъ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. — Тогда Русскіе ученые, можетъ быть въ первый разъ послѣ полутораго лѣтъ, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества, и изучая въ немъ новыя для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія,

и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней Русской жизни, на характерѣ и умѣ народа, — почти во всемъ, говорю я, — они были до сихъ поръ обмануты. — Не потому, что бы кто нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ: но потому, что безусловное пристрастіе къ Западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ Русскаго варварства, заслоняли отъ нихъ разумніе Россіи. — Можетъ быть и они сами прежде, подъ вліяніемъ тѣхъ же предразсудковъ, содѣйствовали къ распространенію того же ослѣпленія. Но обаяніе было такъ велико, что скрывало отъ нихъ самые явные предметы, стоявшіе, такъ сказать передъ ихъ глазами; за то и пробужденіе совершается такъ быстро, что удивляетъ своею неожиданностію. Ежедневно видимъ мы людей, раздѣлявшихъ западное направленіе, — и нерѣдко между ними людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ и самыхъ твердыхъ характеровъ, — которые совершенно перемѣняютъ свой образъ мыслей единственно отъ того, что безпристрастно и глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ: тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта; — въ себѣ: открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста, ни пищи въ западномъ развитіи ума.

Впрочемъ, понять и выразить эти основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта, — не такъ легко, какъ, можетъ быть, думаютъ нѣкоторые. Ибо коренныя начала просвѣщенія Россіи не раскрылись въ ея жизни до той очевидности, до какой развились начала западнаго просвѣщенія въ его исторіи. Чтобы ихъ найти, надобно искать; они не бросаются сами въ глаза, какъ бросается образованность европейская. Европа